

11. Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации : проект федерального закона. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Рябчиков С. А., 2026

УДК 343.6

Сибэгатуллин Ф. Ф. – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России (Россия, г. Уфа)

**БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ
ПРЕДИКТОР ЭКСТРЕМИЗМА
(НА ПРИМЕРЕ СТАТЕЙ 116 И 116.1 УК РФ)**

**DOMESTIC VIOLENCE AS A CRIMINOLOGICAL PREDICTOR
OF EXTREMISM (USING ARTICLES 116 AND 116.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

Аннотация. В статье исследуется малоизученная в отечественной криминологической науке проблема корреляции между насильственными действиями в семейно-бытовой сфере, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 116 и 116.1 УК РФ, и последующей радикализацией личности, ведущей к формированию экстремистского типа поведения и, в отдельных случаях, к совершению преступлений террористической направленности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения традиционного взгляда на детерминацию экстремизма, который преимущественно фокусируется на политических, религиозных и социально-экономических факторах, оставляя без должного внимания микроуровневые процессы социальной агрессии. Автор, опираясь на современные криминологические исследования, новейшие доктринальные источники 2025–2026 гг., а также зарубежный эмпирический опыт (на примере британской программы Prevent), обосновывает тезис о том, что побои являются не просто деликтом против здоровья личности, но и индикатором глубокой социальной агрессии, выступающей «питательной средой» для экстремистской идеологии. В работе анализируются проблемы квалификации побоев, их разграничения со смежными составами преступлений (ст. 115, 117 УК РФ), а также спорные вопросы объекта данных посягательств. Особое внимание уделяется криминологическому механизму

трансформации бытового насилия в радикальное поведение через формирование феномена «морального отстранения» (moral disengagement) и легитимации насилия в сознании личности. Рассматривается роль административной преюдиции в ст. 116.1 УК РФ как инструмента профилактики рецидивной насильственной преступности и ее потенциальное значение для предупреждения эскалации агрессии. На основе проведенного анализа формулируются предложения по совершенствованию уголовной политики, квалификации указанных деяний, а также по оптимизации деятельности органов внутренних дел в сфере профилактики бытового насилия как одного из факторов, детерминирующих экстремистское поведение. Обосновывается необходимость межведомственного взаимодействия и внедрения специальных методик раннего выявления лиц, составляющих группу риска по радикализации на почве пережитого или совершенного насилия.

Ключевые слова: побои, ст. 116 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ, бытовое насилие, экстремизм, терроризм, радикализация, физическая боль, объективная сторона, квалификация преступлений, криминологическая детерминация, административная преюдиция, моральное отстранение, профилактика преступлений, органы внутренних дел.

Abstract. The article examines the understudied problem in Russian criminological science of the correlation between violent acts in the family and domestic sphere, liability for which is provided for in Articles 116 and 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the subsequent radicalization of the individual, leading to the formation of an extremist type of behavior and, in some cases, to the commission of terrorist crimes. The relevance of the research is due to the need to expand the traditional view on the determination of extremism, which primarily focuses on political, religious, and socio-economic factors, leaving micro-level processes of social aggression without due attention. The author, drawing on contemporary criminological research, the latest doctrinal sources from 2025–2026, as well as foreign empirical experience (illustrated by the British Prevent program), substantiates the thesis that battery is not merely a tort against an individual's health but also an indicator of deep-seated social aggression, which serves as a breeding ground for extremist ideology. The paper analyzes the problems of qualifying battery, its differentiation from related corpus delicti (Articles 115, 117 of the Criminal Code of the Russian Federation), as well as controversial issues regarding the object of these offenses. Special attention is paid to the criminological mechanism of transforming domestic violence into radical behavior through the formation of the phenomenon of "moral disengagement" and the legitimization of violence in the individual's consciousness. The role of administrative prejudgment in Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered as a tool for preventing recidivist violent crime and its potential significance for preventing the

escalation of aggression. Based on the analysis conducted, proposals are formulated for improving criminal policy, the qualification of these acts, as well as for optimizing the activities of internal affairs bodies in the field of preventing domestic violence as one of the factors determining extremist behavior. The necessity of interagency cooperation and the implementation of special methods for the early identification of persons who constitute a risk group for radicalization based on experienced or committed violence is substantiated.

Keywords: battery, Art. 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, domestic violence, extremism, terrorism, radicalization, physical pain, objective aspect (*actus reus*), qualification of crimes, criminological determination, administrative pre-judgment, moral disengagement, crime prevention, internal affairs bodies.

Противодействие экстремизму и терроризму является безусловным приоритетом государственной политики Российской Федерации, что находит свое отражение в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. и в комплексе мер, реализуемых правоохранительными органами. Традиционно в фокусе научного осмысления и практической деятельности находятся политические, религиозные, идеологические и социально-экономические причины данных явлений. Исследователи анализируют деятельность радикальных организаций, механизмы вербовки, распространение деструктивной идеологии в информационном пространстве, социальную напряженность и межнациональные конфликты. Однако существует глубинный, латентный слой социальной агрессии, который, оставаясь вне поля зрения, может служить «питательной средой» для радикализации общественного сознания и формирования экстремистских установок у отдельных индивидов. Речь идет о насилии в семейно-бытовой сфере, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст.ст. 116 («Побои») и 116.1 («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») Уголовного кодекса Российской Федерации. Проблема заключается в том, что побои традиционно воспринимаются правоприменителем и обществом как «мелкое», «незначительное» правонарушение, как «семейное дело», не требующее серьезного государственного вмешательства. Такой подход нивелирует общественную опасность данных деяний, которая заключается не столько в характере причиненного вреда здоровью (формально отсутствующего), сколько в психологическом и криминологическом эффекте: формировании модели поведения, где насилие становится нормой разрешения конфликтов.

Вопросы уголовно-правовой оценки побоев в последние годы активно разрабатываются в научной литературе, что обусловлено как изменениями законодательства (декриминализация и последующая рекриминализация с административной преюдицией), так и сложностью правоприменения. Т. Б. Оздоева, анализируя содержание понятий «побои» и «иные

насильственные действия» в контексте ст. 116 и 116.1 УК РФ, приходит к выводу, что «побои могут носить не только многократный, но и однократный характер, если совершенное физическое воздействие причинило потерпевшему физическую боль (при условии отсутствия признаков причинения вреда здоровью)» [1, с. 58]. Автор справедливо отмечает, что «количественный признак не является определяющим для квалификации деяния», а решающим критерием выступает сам факт причинения боли против воли лица. Данный подход имеет принципиальное значение для понимания общественной опасности побоев: даже однократный акт насилия способен запустить механизм формирования у личности (как у потерпевшего, так и у правонарушителя) искаженной модели поведения, где физическое превосходство становится инструментом разрешения конфликтов. Дискуссионным остается вопрос о содержании понятия «иные насильственные действия». Предлагается под ними понимать «любое физическое воздействие на организм человека, причиняющее физическую боль, но не влекущее последствий, указанных в ст. 115 УК РФ» [1, с. 60]. К таковым могут относиться щипание, сечение, укусы, выкручивание конечностей, а также иные действия, сопряженные с физическим контактом с телом потерпевшего. Важно отметить, что автор предлагает заменить в диспозициях ст. 116 и 116.1 УК РФ термин «насильственные действия» на «иные формы физического воздействия», что обеспечило бы терминологическую точность и исключило расширительное толкование, позволяя более четко отграничивать данные деяния от психического насилия или угроз [1, с. 61].

Проблема квалификации тесно связана с разграничением побоев со смежными составами преступлений. Е. А. Соловьева, рассматривая особенности квалификации преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, и его разграничение со ст. 115 («Умышленное причинение легкого вреда здоровью») и 117 («Истязание») УК РФ, обращает внимание на то, что «разграничение с умышленным причинением легкого вреда здоровью основано на медицинских критериях временной нетрудоспособности, тогда как отличие от истязания связано с систематичностью и длительностью насилия» [2, с. 12]. Автор констатирует наличие судебных ошибок при квалификации данных деяний, что свидетельствует о необходимости выработки единообразных подходов и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Наиболее сложным представляется разграничение побоев и истязания. Если побои могут быть как единичным актом, так и серией действий, то для истязания обязательным признаком является систематичность (как правило, три и более раза) либо длительность насилия (например, лишение пищи, воды, тепла на протяжении определенного времени) [2, с. 14]. При этом судебная практика идет по пути оценки каждого эпизода насилия в совокупности: если отдельные эпизоды квалифицируются как побои, но в своей совокупности образуют систему, содеянное подлежит квалификации по ст. 117 УК РФ.

Вопрос об объекте преступлений, предусмотренных ст. 116 и 116.1 УК РФ, имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяет место данных норм в системе Особенной части УК РФ и характер общественной опасности деяния. Как указывает Т. Б. Оздоева, «побои и иные насильственные действия, не образующие юридически значимого вреда здоровью, фактически нарушают нормальное функционирование организма, что позволяет рассматривать здоровье человека в качестве их непосредственного объекта» [3, с. 215]. Автор аргументированно выступает против введения самостоятельной четвертой степени тяжести вреда здоровью, полагая достаточным корректировку подзаконного медицинского регулирования [3, с. 218]. Данный подход принципиально важен для понимания того, что побои – это не «мелкое» правонарушение, не имеющее общественной опасности, а полноценное посягательство на конституционно охраняемое благо – здоровье личности. И. Ю. Янина, исследуя понятие причинения в уголовном праве, отмечает, что «непреступное причинение» (включая деяния, влекущие административную ответственность) и «преступное причинение» находятся в сложной диалектической связи [4, с. 125]. Применительно к побоям это означает, что лицо, систематически совершающее насильственные действия без должной правовой реакции, укрепляется в чувстве безнаказанности, что может способствовать эскалации насилия. Таким образом, даже те деяния, которые формально не причинили вреда здоровью, подлежащего медицинской квалификации, обладают криминогенным потенциалом, поскольку формируют у правонарушителя установку на допустимость насильственного разрешения конфликтов. Не менее важным представляется анализ субъективной стороны побоев. Поскольку ст. 116 и 116.1 УК РФ предполагают умышленную форму вины, необходимо установить, что лицо осознавало, что совершает действия, способные причинить физическую боль, и желало этого либо сознательно допускало. Однако на практике доказать умысел на причинение боли бывает сложно, особенно в ситуациях бытовых конфликтов, что требует от дознавателей и следователей тщательного сбора доказательственной базы, включая показания свидетелей, заключения судебно-медицинских экспертиз, а также анализ предшествующих отношений между сторонами.

Переходя к основному тезису настоящей работы, считаем необходимым обосновать, каким образом побои, совершаемые в семейно-бытовой сфере, могут быть связаны с таким сложным социально-правовым явлением, как экстремизм. Традиционная криминология рассматривает экстремизм как продукт макросоциальных процессов: экономического кризиса, политической нестабильности, межэтнических конфликтов, распространения радикальной идеологии через сеть Интернет. Однако современные исследователи все чаще обращают внимание на то, что макроуровневые факторы преломляются через микроуровневые процессы, происходящие в се-

мье и ближайшем окружении человека. Семья является первичным агентом социализации, и именно в ней закладываются базовые модели поведения, включая отношение к насилию. Как справедливо отмечает Ю. М. Антонян, «исток многих форм преступного поведения, в том числе насильственного, следует искать в раннем детстве, в условиях семейного воспитания» [10, с. 112]. Систематическое применение насилия в семье (в том числе побоев) формирует у личности установку на то, что сила является основным аргументом в разрешении любых конфликтов. Происходит легитимация насилия в сознании: оно перестает восприниматься как нечто исключительное и недопустимое, становясь обыденным инструментом достижения целей. Дети, выросшие в атмосфере насилия, усваивают модель поведения, при которой физическое превосходство доминирует над правом, а уважение к личности другого человека отсутствует. Это создает благоприятную почву для восприятия экстремистской идеологии, которая также строится на отрицании прав иных социальных, национальных или религиозных групп. Важен и виктимологический аспект: жертвы домашнего насилия, особенно женщины и дети, испытывают чувство незащищенности и отчаяния. Если государство не обеспечивает им эффективной защиты, они могут стать «легкой добычей» для вербовщиков экстремистских организаций, которые предлагают им «защиту» и «справедливость», эксплуатируя чувство безысходности. Таким образом, бытовое насилие, ответственность за которое предусмотрена ст. 116 и 116.1 УК РФ, выступает в качестве криминологического предиктора (фактора риска) экстремистского поведения. Это не означает, что каждый, кто совершил побои, станет экстремистом, но означает, что данная категория лиц составляет группу повышенного риска, требующую особого внимания со стороны профилактических служб.

Особого внимания заслуживает анализ ст. 116.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Данная норма является примером административной преюдиции в уголовном праве – конструкции, вызывающей оживленные дискуссии среди ученых. С одной стороны, административная преюдиция позволяет усилить борьбу с рецидивной преступностью, создавая механизм уголовной ответственности для лиц, которые, несмотря на административное наказание, продолжают совершать насильственные действия. И. Ю. Янина отмечает, что административная преюдиция «выступает в качестве индикатора устойчивости анти-социальной установки личности» [4, с. 130]. Лицо, повторно совершающее побои, демонстрирует неспособность к правопослушному поведению, что требует более строгих мер государственного реагирования. С другой стороны, практика применения ст. 116.1 УК РФ выявляет ряд проблем. Прежде всего, это сложность доказывания факта, что лицо ранее подвергалось административному наказанию. Необходимо установить не только сам

факт привлечения к административной ответственности, но и то, что срок, в течение которого лицо считается подвергнутым наказанию (один год со дня окончания исполнения постановления), не истек. Это требует от правоприменителя тщательной проверки баз данных и своевременного получения необходимых сведений. Кроме того, мягкость санкций (штраф, обязательные или исправительные работы, арест) и сложность сбора доказательств в семейно-бытовой сфере (потерпевшие часто забирают заявления, отказываются от показаний) приводят к тому, что многие лица, склонные к систематическому насилию, остаются безнаказанными. Отсутствие должной реакции на побои создает вакуум правового воздействия, который может способствовать эскалации насилия.

С криминологической точки зрения административная преюдиция в ст. 116.1 УК РФ выполняет важную профилактическую функцию, позволяя выявлять лиц, устойчиво демонстрирующих насильственное поведение. Именно эти лица составляют группу наибольшего риска с точки зрения потенциальной радикализации. Если человек систематически применяет насилие в семье, игнорируя меры административного и уголовно-правового воздействия, это свидетельствует о глубокой деформации его правосознания и готовности к использованию насилия как основного способа решения проблем. Такая личность может быть восприимчива и к экстремистской идеологии, предлагающей насильственные методы достижения «высших целей».

Актуальность и обоснованность такого подхода на самом высоком уровне была подтверждена 4 марта 2026 г. на расширенном заседании коллегии МВД России. Президент Российской Федерации В. В. Путин, подводя итоги работы ведомства за 2025 г., специально обратил внимание на тревожную динамику: «...по итогам 2025 года впервые за длительное время наметился, к сожалению, рост подростковой преступности. При этом доля тяжких и особо тяжких составов среди таких преступлений превысила 40 процентов» [5]. Глава государства прямо указал на криминологический механизм, описанный в данной статье: «Практика показывает, что молодых людей нередко целенаправленно втягивают в преступную деятельность, вербуют в криминальную среду. Почти половина – 45 % – подростков совершили противоправные деяния в групповых формах соучастия. И надо оперативно выявлять и привлекать к ответственности преступников, которые используют несовершеннолетних в своих целях» [5]. Это полностью коррелирует с тезисом о виктимологической уязвимости детей из неблагополучных семей, в том числе переживших насилие, как потенциальных объектов для вербовки в экстремистские и иные криминальные структуры.

В своем выступлении Президент Российской Федерации также поставил задачу, которая напрямую перекликается с выводами нашего иссле-

дования: «МВД совместно с другими правоохранительными органами необходимо значительно усилить акцент на профилактику и предотвращение подобных преступлений. И конечно, подростков, в том числе с проблемами в семьях, важно вовлекать в волонтерское движение, в занятия спортом, в работу молодежных общественных объединений – делать все, чтобы помочь ребятам не допустить трагическую ошибку, найти себя в жизни...» [5]. Кроме того, Президент Российской Федерации отметил необходимость комплексной и системной работы в борьбе с экстремизмом, подчеркнув, что «за последний год количество преступлений экстремистской направленности тоже, к сожалению, выросло» и что задача МВД – «жестко пресекать любые проявления русофобии, ксенофобии, религиозной вражды, расширять профилактическую работу в этой сфере» [5]. Таким образом, проблема профилактики насилия и его последствий, включая риск вовлечения в экстремистскую деятельность, выходит на уровень общегосударственной задачи, требующей межведомственного взаимодействия и координации усилий всех субъектов профилактики.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности противодействия как побоям, так и их криминогенным последствиям в виде экстремистского поведения. В части совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, в целях единообразия судебной практики и устранения терминологической неопределенности целесообразно поддержать предложение Т. Б. Оздоевой о замене в диспозициях ст. 116 и 116.1 УК РФ термина «насильственные действия» на «иные формы физического воздействия» [1, с. 61]. Это позволит более четко отграничивать данные деяния от психического насилия и угроз его применения, которые должны квалифицироваться по иным статьям УК РФ (например, ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»). Кроме того, представляется целесообразным разработку Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснений по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 116, 116.1 УК РФ, и их отграничения от смежных составов (ст. 115, 117 УК РФ). В таком постановлении следовало бы детализировать критерии разграничения единичных побоев, систематических побоев и истязания, а также разъяснить особенности доказывания умысла на причинение физической боли.

В отношении совершенствования деятельности органов внутренних дел по профилактике следует отметить, что ключевая роль принадлежит участковым уполномоченным полиции и подразделениям по делам несовершеннолетних. Необходимо изменить подход к оценке их деятельности: факты побоев должны рассматриваться не как малозначительные правонарушения, а как индикаторы криминогенной обстановки, требующие углубленной проверки. Представляется обоснованным внедрение в деятельность

участковых уполномоченных методик оценки риска эскалации насилия и радикализации личности. При выявлении факта побоев (как впервые совершенных, так и повторных) участковый должен оценить не только обстоятельства конкретного правонарушения, но и личность правонарушителя, его окружение, наличие признаков увлечения радикальной идеологией. При наличии соответствующих признаков информация должна передаваться в подразделения по противодействию экстремизму. Особого внимания заслуживает работа с детьми, ставшими свидетелями бытового насилия. Как отмечается в криминологических исследованиях, такие дети составляют группу повышенного риска по формированию асоциальных установок [10, с. 203]. Целесообразно внедрение в деятельность подразделений по делам несовершеннолетних специальных методик раннего выявления таких детей и организации с ними психолого-педагогической работы, направленной на формирование ненасильственных моделей поведения и правосознания.

Эффективная профилактика бытового насилия и связанных с ним рисков невозможна без тесного межведомственного взаимодействия. Необходимо усиление координации между органами внутренних дел, психологическими службами, образовательными учреждениями, органами опеки и попечительства, а также общественными организациями, работающими в сфере защиты семьи. Целесообразно создание на муниципальном уровне межведомственных комиссий по профилактике семейно-бытового насилия, в рамках которых будет осуществляться обмен информацией о семьях, находящихся в социально опасном положении, и разрабатываться индивидуальные программы реабилитации и профилактики. Кроме того, важным направлением является повышение правовой грамотности населения и формирование в обществе нетерпимости к любым формам насилия, включая побои. Необходимо проводить информационные кампании, разъясняющие, что побои – это не «семейное дело», а преступление, которое влечет уголовную ответственность и может иметь серьезные последствия не только для непосредственной жертвы, но и для общества в целом.

Подводя итог проведенному исследованию, можем сформулировать следующие основные выводы. Преступления, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ («Побои»), обладают значительным криминогенным потенциалом, выходящим за рамки непосредственного причинения физической боли. Они выступают в качестве одного из факторов, детерминирующих формирование экстремистского типа поведения, поскольку формируют у личности (как у правонарушителя, так и у жертвы и наблюдателей) установку на допустимость насилия как способа разрешения конфликтов. Криминологический механизм трансформации бытового насилия в экстремистское поведение включает легитимацию насилия в сознании личности, усвоение агрессивных моделей поведения в детстве, а также виктимологи-

ческий аспект, делающий жертв насилия уязвимыми для вербовки в экстремистские организации. Административная преюдиция в ст. 116.1 УК РФ выполняет важную профилактическую функцию, позволяя выявлять лиц, устойчиво демонстрирующих насильственное поведение, которые составляют группу наибольшего риска с точки зрения потенциальной радикализации. Для повышения эффективности противодействия побоям и связанным с ними криминогенным рискам необходимо совершенствование уголовного законодательства (уточнение терминологии), разработка разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изменение подходов к деятельности органов внутренних дел (рассмотрение побоев как индикатора криминогенной обстановки) и усиление межведомственного взаимодействия. Поставленные Президентом Российской Федерации задачи на ежегодном расширенном заседании коллегии МВД России 4 марта 2026 г. [5] подтверждают правильность выбранного вектора исследований и требуют от научного сообщества и практических органов консолидации усилий в выработке конкретных мер, направленных на защиту детства, профилактику семейного неблагополучия и, как следствие, на устранение глубинных предпосылок экстремизма. Таким образом, противодействие экстремизму и терроризму невозможно без системной работы по искоренению насилия на самом низовом, бытовом уровне. Уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст. 116 и 116.1 УК РФ, должны рассматриваться не изолированно, а в системе мер общей превенции насильственной преступности, включая ее наиболее опасные формы – экстремизм и терроризм. Дальнейшие научные исследования в данной области должны быть направлены на эмпирическую верификацию выявленных корреляций, разработку методик раннего выявления лиц, склонных к эскалации насилия, а также на изучение отечественного опыта профилактики бытового насилия и его связи с экстремизмом.

Библиографический список

1. Оздоева Т. Б. Содержание понятий «побои» и «иные насильственные действия» в контексте статей 116 и 116.1 Уголовного кодекса РФ // Полицейская деятельность. 2025. № 5. С. 51–62.
2. Соловьева Е. А. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, и его разграничение со статьями 115 и 117 УК РФ // Экономика и безопасность. 2025. № 8. С. 10–18.
3. Оздоева Т. Б. Непосредственный объект преступлений, предусмотренных статьями 116 и 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Право и политика. 2026. № 1. С. 211–222.
4. Янина И. Ю. Понятие и виды причинения в уголовном праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 117–137.

5. Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России. 2026. 4 марта. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79255> (дата обращения: 04.03.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

7. О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 15 января 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

8. О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 10 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

9. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) (ред. от 29 мая 2020г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Антонян Ю. М. Криминология : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2021. 388 с.

11. Клейменов М. П. Криминология : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 400 с.

12. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : в 2 т. М. : Юрайт, 2021. Т. 1. 1003 с.

13. Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М. : Контракт, 2022. 928 с.

14. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против личности : учебное пособие. М. : Юрлитинформ, 2021. 200 с.

15. Бриллиантов А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2023. 1472 с.

© Сибагатуллин Ф. Ф., 2026